

Две другие служанки подхватили разговор, принимаясь гадать, будут ли им и дальше так же часто дарить шелковые цветы. Пусть те и стоили гроши, но были сделаны умело и с душой — видать, своими руками какой-то девушки, — так что получить такой подарок всё равно было приятно.

Сяо Чжигэ, услышав обрывки их беседы, так ничего и не понял. Нахмурившись, он подошел и спросил:

— О чем вы говорите?

Все три служанки вздрогнули от неожиданности. Обернувшись и увидев Сяо Чжигэ, они от испуга тут же пали на колени:

— К-князь...

Сяо Чжигэ нахмурился еще сильнее:

— Вы только что говорили о ванфэй? Что случилось с ванфэй?

Стоявшая впереди служанка даже не смела поднять головы и дрожащим голосом ответила:

— Мы... мы говорили о том, как добр ванфэй. Дворецкий Ван сказал, что когда ванфэй возвращался с улицы, горожане подарили ему множество вещей. Благодаря этому и нам досталась доля щедрости — мы получили эти подарки.

Взгляд Сяо Чжигэ упал на шелковые цветы в руках девушек, и он наконец всё понял.

Ему было известно, что в Ецзине существует обычай бросать цветы понравившимся людям. После того как Тай-цзу вззошел на престол, он усердно правил страной, дав начало эпохе процветания Да Е. Народ жил в достатке, нравы стали свободнее, и люди — как мужчины, так и женщины — начали сильнее стремиться к прекрасному, отчего среди народа расцвел культ красоты. Со временем это переросло в обычай: увидев красивого юношу или девушку, горожане без стеснения бросали им цветы. Конечно, знатные девицы редко появлялись на людях, поэтому чаще всего цветы доставались мужчинам.

Он и не думал, что его ванфэй тоже станет тем, кому кидают цветы.

Сяо Чжигэ сам не мог понять свои чувства. С одной стороны, он ощущал гордость, с другой — легкую, досадную ревность. В конце концов, это его ванфэй, и насколько тот прекрасен и хорош, достаточно знать ему одному.

Приказав служанкам подняться, Сяо Чжигэ развернулся и широким шагом отправился искать Ань Чанцина.

Девушки с облегчением вздохнули. Та, что была похрабрее, тихо шепнула:

— Вам не кажется, что с появлением ванфэй князь стал куда сдержаннее?

Кажется, они уже давным-давно не видели, чтобы князь мрачнел и выходил из себя.

Две другие служанки согласно кивнули и, всё еще с трепетом глянув вслед Сяо Чжигэ, поспешили с шелковыми цветами за работу.

.....

Сяо Чжигэ прошёл в передний двор, где Ань Чанцин как раз слушал доклад Ван Фугуя о подготовке поместья к праздникам. Увидев входящего Сяо Чжигэ, Ван Фугуй тут же умолк, почтительно преподнёс книгу записей и толково удалился.

Ань Чанцин налил ему чашку чая:

— Князь сегодня никуда не выходил?

Сяо Чжигэ отозвался кратким «хм» и, помедлив, спросил:

— Слышал, сегодня на улице горожане бросали тебе цветы?

Ань Чанцин улыбнулся:

— Не то чтобы бросали... Пока меня не было, они просто впихнули всё кучеру.

Сяо Чжигэ сделала строгое и невозмутимое лицо:

— В следующий раз, когда пойдешь на улицу, бери с собой Те Ху и Чжао Ши. Хоть в Ецзине и сравнительно спокойно, но если кто-то замыслит недоброе...

Ань Чанцин от его слов даже опешил и с сомнением проговорил:

— Это ведь просто душевные горожане... Вряд ли они...

Сяо Чжигэ непреклонно отрезал:

— На всякий случай.

А затем спросил:

— Тебе так нравятся эти горожане?

Над этим вопросом Ань Чанцин задумчиво размыслил. На самом деле нельзя было сказать, что они ему так уж нравились. Раньше он безвылазно жил в глуши господского дома и у него почти не было возможности взглянуть на внешний мир, не говоря уже об общении с простым людом. Переродившись в этой жизни, он поначалу считал их темными и невежественными, ведь именно эти люди распускали невероятные слухи о Сяо Чжигэ. Он не испытывал к ним пылкой симпатии, но и отвращения не чувствовал.

В конце концов, настоящие зачинщики слухов были совсем другими людьми, а простой народ лишь использовали в своих целях.

Но теперь, прикоснувшись к их жизни напрямую, он почувствовал всё глубже. Возможно, эти люди не отличались умом и образованностью, и их даже можно было назвать темными, однако душевной злобы в большинстве из них не было. Их радости и печали были откровенно написаны на лицах, а всё, к чему они стремились, — это мирный труд, спокойная жизнь да успех своих детей.

— Просто подумалось, что они... вполне хорошие люди, — немного подумав, произнес Ань Чанцин. — Было бы славно, если бы так продолжалось и впредь.

Жить в мире и покое, не страдать от войн и разрухи, а в перерывах между трудами ради куска хлеба иметь возможность зайти в чайную, послушать сказителя и потолковать ни о чем. Вести

простую, но безмятежную жизнь.

Взгляд Сяо Чжигэ слегка изменился, и он задумчиво посмотрел на него.

Ань Чанцин смущенно улыбнулся:

— Я, наверное, рассуждаю слишком наивно? — Да и изменять свое мнение только из-за того, что сегодня горожане подарили ему шелковые цветы и подарки, казалось довольно поверхностным.

— Вовсе нет, — медленно проговорил Сяо Чжигэ. — Тай-цзу когда-то сказал, что желанием всей его жизни было отсутствие войн в поднебесной и сытость народа. Он отдал все свои силы ради того, чтобы Да Е снова воссияла, и оттеснил бэйдийцев в самую глубь Бэймо...

Мир и покой для народа — звучит просто, однако ради этого требуется отдать все силы целой жизни правителя.

Увы, преемники становились всё хуже от поколения к поколению и в конце концов не смогли уберечь наследие Тай-цзу. К правлению его отца, императора Аньцина, мало того что бэйдийцы вновь начали нападать и границы охватили непрерывные войны, так еще и прежде покорные Сицян и Юйзэ стали хищно выжидать удобного случая.

Слушая его, Ань Чанцин чувствовал всё большее волнение в душе. Раньше он заботился лишь о собственном крошечном уголке и никогда не задумывался о столь серьезных вещах, как народ и судьба страны. Лишь теперь, после слов Сяо Чжигэ, на него словно снизошло озарение, и он внезапно многое понял.

И тут же вспомнил о событиях, произошедших на севере в то же самое время в его прошлой жизни.

То была стихийная беда, которая в итоге обернулась рукотворной катастрофой. Причем у всего этого с самого начала были предзнаменования, на которые никто так и не обратил внимания.

В прошлой жизни это тоже случилось зимой пятнадцатого года Цинли. Зима тогда пришла необычайно рано: похолодание началось уже в десятом месяце и затянулось до первого месяца следующего года. Жители северных земель давно привыкли к суровым морозам и особым опасений не питали, полагая, что всё пройдет как обычно — стоит прийти весне, и наступит тепло. Однако в начале второго месяца потепление не наступило; напротив, обрушился град. Крупный град величиной с кулак со свистом и грохотом валился с неба, забивая людей до смерти и разрушая множество домов. Только тогда народ осознал, что эта зима не похожа на прежние. Но когда все опомнились, было уже поздно. Вслед за градом повалил непрерывный снегопад, и с февраля по март потепление так и не наступило. Множество людей из-за разрушенных жилищ остались без крыши над головой, а запасы зерна подошли к концу. Цены на зерно и теплую одежду взлетели до небес, обедневшие горожане не могли ничего купить и замерзали насмерть прямо на улицах.

Север страдал от бедствия, но и бэйдийцам, жившим еще дальше на севере, приходилось несладко. Свирепые бэйдийцы, собрав своих самых отважных всадников, двинулись на юг, грабя и сжигая всё на своем пути, отчего бедствия северного края стали еще тяжелее.

Едва народ сумел пережить то стихийное бедствие, как подоспело шестидесятилетие вдовствующей императрицы. Император Аньцин ради возведения девяноста девяти пагод Долголетия для вдовствующей императрицы ввел тяжкую трудовую повинность и повысил

налоги. Жители северных земель, еще не успевшие оправиться от удара природы, лишились даже последних семян для посева, которые у них безжалостно отобрали.

С шестнадцатого года Цинли по всей стране то и дело стали появляться шайки разбойников и повстанцев. Даже Ань Чанцин, безвылазно сидевший в поместье князя, то и дело слышал о новых и новых восстаниях в разных уголках страны. Сяо Чжигэ же остался на границе, отражая вторжение бэйдийцев на юг, и больше ни разу не возвращался в Ецзин.

Ань Чанцин тогда жил в поместье князя, поэтому невзгоды не затронули его напрямую; он лишь со вздохом думал о том, сколь тяжелыми становятся времена.

Даже переродившись, он поначалу не придавал особого значения тому бедствию: и императорский двор, и простые люди были слишком далеки от него, а в его душе было место лишь для собственных мелких забот. До остальных ему не было дела. Больше всего его занимала мысль о том, что нужно заранее, пока цены на зерно, теплую одежду и уголь не подскочили, запастись побольше товаров.

Однако сегодняшняя встреча с горожанами на улице Юнлэ и разговор с Сяо Чжигэ словно обухом ударили по нему, пробуждая от оцепенения.

Он больше не был тем бессмысленно существующим и не видящим будущего побочным сыном Ань Чанцином из прошлой жизни; он — ванфэй Бэйчжань-вана, связан с Сяо Чжигэ единой судьбой и любим народом. Незаметно для самого себя он принял на плечи тяжелую ответственность.

Он не хотел видеть, как Сяо Чжигэ превращается в тирана, и не желал, чтобы мирные жители Да Е в итоге погибли под копытами вражеских коней, не зная, доживут ли до завтра.

Глубоко вздохнув, Ань Чанцин несколько раз сменил выражение лица и наконец, словно решившись на что-то, медленно произнес:

— Говоря о народе... Мне прошлым вечером как раз приснился сон...

— В том сне зима в этом году выдалась невероятно долгой. Даже во втором месяце не потеплело, а еще выпал крупный град, разрушивший дома. Множество бедняков остались без крова и замерзли насмерть у дорог...

— ...У бэйдийцев не осталось зерна на зиму, и они ринулись на юг, нападая на границы, а князь получил приказ отправиться на север...

Постепенно пересказывая то, что случилось в прошлой жизни, Ань Чанцин уставился на Сяо Чжигэ и спросил:

— Князь верит мне?

<http://bllate.org/book/18381/1767650>